

Е. Ю. ЗАХАРЧЕНКО, аспирант, ХНУ имени В. Н. Каразина, Харьков

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ДУХОВЕНСТВА В УКРАИНСКИХ ПАРЕМИЯХ И ПРОБЛЕМА РОЛИ СВЯЩЕННИКА В ПОЗДНЕИМПЕРСКОМ ОБЩЕСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье рассматривается конструирование образа священнослужителя на материалах малорусского фольклора XIX – начала XX вв. Образ священника на материалах паремий представляет собой своеобразный «антипортрет». Совокупность характерных черт и стереотипов поведения, которые приписывались священнослужителям, вмещаются в концепцию семи смертных грехов. В конструировании данного образа прослеживаются две тенденции: наделение священника негативными чертами характера и неприятие отдельных элементов церковно-приходских практик общины.

Ключевые слова: украинский/малороссийский фольклор, паремии, духовенство, конструирование образа.

Образ православного духовенства в XIX – начале XX вв. представляет собой яркую мозаику разнообразных характерных черт и стереотипов поведения, которые иногда справедливо, а подчас заведомо ложно, приписывались представителям духовного сословия. Придирчивый взгляд прихожан подмечал достоинства и пороки своего священника, который, практически всю свою жизнь, от рукоположения и до самой смерти, был в центре внимания своей паствы. Эти разнообразные замечания сохранились в пословицах, поговорках, сказках и прочих жанрах фольклора, которые дошли до наших дней. Анализ материалов устного народного творчества дает возможность представить многогранный образ приходского духовенства XIX – начала XX вв. и понять как именно воспринималось духовное лицо и какими чертами его наделяли в фольклоре и почему.

В данном исследовании внимание уделяется паремиям, в которых, нашел свое отражение образ представителя духовного сословия, стереотипы его поведения во время службы и повседневной жизни. Роль и функции паремий (поговорок), как исторического источника, весьма неоднозначны. Проблеме исследования жанров фольклора как исторического источника в разные периоды развития гуманитарного знания уделялось большое внимание в работах Н. Сумцова, В. Мельника, А. Андриевского и др. [8; 7; 1]. В рамках данного исследования мы попытаемся сконцентрироваться не на самой поговорке, а на том материале и семантическом окрасе, который присутствует в ней и касается приходского духовенства. Совокупность характерных черт, специфических форм и стереотипов поведения с ярко выраженным семантическим окрасом по отношению к духовному лицу представляет собой определенный собирательный образ священника, который был сконструирован в паремийном материале XIX века.

В рамках данного исследования была создана база данных Microsoft Access, в которой содержится 260 паремий, объектами которых выступают представители

духовного сословия. Источниковую базу данного исследования составляют материалы украинского – «малороссийского» фольклора. Данные материалы были опубликованы в работах этнографических экспедиций Русского географического общества, в собрании поговорок и пословиц М. Номиса, а также в работах И. Мажуры, П. Ефименко, Н. Беленьковой и др. [9; 10; 5; 4; 2]. Основной целью создания базы данных было выявление наиболее часто повторяющихся черт характера и стереотипов поведения священника, которые являются частью конструируемого образа. Это, в свою очередь, дает возможность представить некий «портрет» или «антипортрет» священника, который был «законсервирован» в паремиях того времени.

При анализе материалов базы данных следует учитывать проблему выборки. Поскольку генеральная совокупность нам неизвестна, процент репрезентативности паремий, попавших в базу данных, практически невозможно определить.

Проанализировав материалы базы данных, можно проследить обличение духовенства в «семи грехах», относящихся к первому виду смертных грехов, которые упоминаются в Катехизисе («Православное исповедание Кафолической и Апостольской Церкви Восточной») Киевского митрополита Петра Могилы, датированном XVII веком. К ним следует относить грехи, которые служат источником для множества других грехов, а также греховные страсти или пороки, например, чревоугодие, блуд, корыстолюбие, гнев, гордость, зависть, лень. По частоте встречаемости в базе данных паремий можно составить определенную диаграмму, наглядно свидетельствующую о наиболее и наименее приписываемых «грехах» священнослужителям.

Корыстолюбие является одним из наиболее часто упоминаемых и приписываемых духовенству грехов: «Богу слава, а попу шмат сала», «Піп дерун – дере з живого і з мертвого», «Піп дзвонить для своєї користі: чує де б хаптури поїсти». Однако, наряду с этим, объектом высмеивания в данных паремиях выступают и сами церковно-приходские практики, заложником которых оказался священник: «Перший смужок – попу на кожушок», «Іде на попа і з живого і з мертвого», «Піп жиє з олтаря, а писар – з каламаря», «Шерт-верть, бери чверть – вийшло рокове», «родись, хрестись, женись, помирай – за все попові гроші давай». Таким образом, в процессе конструирования образа священника произошла определенная подмена понятий. Главным объектом критики «народной мысли» оказался священнослужитель, а не механизмы и законы, которые определяли положение духовного лица в обществе и его источники дохода. В данном случае, можно говорить о том, что в образе священнослужителя нашла свое отражение глобальная проблема выбора и определения источников доходов для обеспечения как самого духовного лица конкретно, так и его семьи. Интересно заметить, что причисление подобных качеств на материале паремий прослеживается исключительно по отношению к священнику и ни коим образом не касается его детей и крайне редко – его жены.

Лень – второй по частоте упоминаемый грех в малороссийских поговорках, который нашел свое отображение в паремиях: «Нема нікому так добре на світі, як попові та котові: обидва лежать та хліб дурно їдять», «Громадський бугай од попа

кращий чоловік», «Нехай дзвонять – їх на панщину не гонять», «Піп ніколи не тратиться - все йому дурниця». Обвинения в лености священника происходит с использованием ярких сравнений и аллегорий, что само по себе указывает на гиперболизацию данного качества в конструируемом образе.

Чревоугодие – третий по частоте упоминаемый грех. Здесь следует отметить, что наряду с чревоугодием в паремиях присутствует высмеивание и других качеств характера священника, например, таких как «лживость», «лихоимство» и др. Например: «Попа піст розповідають, а самі скоромне обідають», «У попа рило, як барило», «У попа вовчі очі, а ведмеже черево», «Попа одним обідом не нагодуєш», «Камілавку під лавку, а гуску при на стіл». В последней паремии отразилась неписанная традиция чествования священника во время праздничного хождения по селу. Следует также отметить, что часто священник сам становился заложником подобной традиции. Так как, батюшка, отказывающийся вкушать пищу со стола своей паствы, мог подвергнуться порицанию со стороны общины и обвинениям в гордыне, что потом могло отразиться негативно во время сбора урожая, поскольку сам священник не мог самостоятельно обрабатывать свой надел и прибегал к помощи своих прихожан [6, с. 77-78]. Помощь прихожан во время сбора урожая, как и угощение батюшки, а также всевозможные подношения в виде продуктов и предметов быта воспринималась не как отдельная плата за исполнение треб, а как определенное вознаграждение и поддержка святого отца, который фактически находился в центре крестьянской общины.

Следующим по частоте встречаемости в поведении и характере духовных лиц, которыми они наделялись в паремиях, представлен блуд. Здесь следует понимать «блуд» не только как некие развратные действия и прелюбодеяние, но в более широком контексте как некие неподобающие действия, которые не приличествуют духовенству: образу его жизни и как часто говорится в самих паремиях и ходу мыслей. Следует отметить, что открыто о подобных действиях паремии не указывают, однако содержание и некоторые особенности контекста тонко намекают на это: «Образ божий у бороді, а подоба в вусах», «Постава свята, а сумління злодійське», «Роби теє, що піп каже, а не роби того, що він робить», «Сам блудить, а інших судить», «Свищи попонько, бо вже донька за жовніром пішла».

Гордыня, гнев и зависть приписывались духовенству сравнительно реже по сравнению с вышеуказанными грехами. Гордыня по отношению к гневу и зависти встречается намного чаще и, как правило, касается не столько самого священника, сколько членов его семьи, а именно жены священника: «Доти попадя княгиня, поки піп не згине», «Коли б нашій попаді та попова борода, - давно б благочинним була», «Пишається, як попівна у гостях». Гнев и зависть представлены крайне мало, лишь в единичных поговорках и упоминаются косвенно: «Лучче бути добрим хлопом, як злим попом», «Не видали попа в боярах!».

Среди паремий, касающихся духовенства, следует выделить отдельно категорию, в которой происходит сравнение священника с нечистой силой. Наделение его сверхъестественными способностями, указывает на определенную «демонизацию» образа священника в глазах прихожан: «Як перейде дорогу - щастя не буде, хіба одплюєшся», «Убрався піп у ризи, а чорт у рядно, та й тягнуть одно»,

«Толкуйся, чорте, з попом, а я з тобою», «Один чорт піп, що стрижений, що кудлатий, – усі люблять брати», «Не буде ямарку, бо піп дорогу перейшов!», «Де піп стане, там трава в'яне». Это связано с переплетением языческих архетипов и традиций, твердо законсервировавшихся в крестьянской общине под видимым налетом христианства и восприятия религии, не сколько путем веры, сколько обрядности, что привело к развитию обширных, мало чем подкрепленных суеверий, в том числе и в отношении священника [3, с. 148-149]. Священник, выступающий как «соль мира – соль земли», по меткому замечанию митрополита Фотия, в представлениях крестьян оказывался как бы на грани двух миров, между земным и небесным миром, а вместе с этим выступал и как заступник от потусторонних сил. Данная категория паремий указывает на определенное сопряжение нескольких образов тождественных по смысловому наполнению, но различных по семантическому окрасу и форме. Это привело к «демонизации» образа священника и наделению его сверхъестественными способностями, граничащими по своей силе, а иногда и преобладающими силу нечистую.

Проанализировав имеющееся количество материалов, можно констатировать, что конструируемый пословицами и поговорками образ духовенства наделял священнослужителей пороками и негативными качествами, стремясь высмеять в первую очередь их жадность, чревоугодие, леность и блуд. Тот факт, что основные лейтмотивы паремий укладываются в простую концепцию «семи смертных» грехов говорит о том, что сами носители фольклора указывали на земную природу священников и их грешность в большей степени, чем воспринимали священника как «духовного отца» и «наставника» как того требовали церковные архиереи. Для прихожан, таким образом, священник выступал скорее не как духовный отец, а именно как батюшка или поп. Стоит отметить, что некоторые паремии высмеивают/описывают не черты характера духовенства, а особенности повседневных практик священнослужителей, связанных с выполнением своих духовных обязанностей – исправление треб и обрядов: венчание, крещение, поминовение, крестный ход и др. Это свидетельствует в пользу того, что в паремиях транслировалось не только слепое неприятие личности священника как духовного отца и наставника в силу каких-либо его пороков. В конструируемом образе так же присутствует критическая точка зрения носителей фольклора на механизмы церковно-приходских практик в Русской православной церкви. В основе этой критики лежала уже избитая дилемма относительно источников дохода семьи священнослужителя и часто обсуждаемый в духовной и светской прессе вопрос о том, должны ли/могут ли священнослужители обрабатывать самостоятельно земельные наделы. Паремии конструируют образ священника, выдвигая на первый план такие негативные гиперболизированные качества духовного лица, которые явно не вписываются в понятие земного, мирского труженика. Подобный взгляд находит свой отклик и среди либеральной интеллигенции, воспитанной на западной достаточно секуляризированной культуре.

Анализируя базу данных, важно и то, что не одна пословица или поговорка не репрезентирует духовное лицо в позитивной коннотации. Абсолютно все поговорки носят ярко выраженный негативный семантический окрас. Это дает повод поставить

несколько важных вопросов и коснуться проблемы собирания фольклорных материалов в XIX в. – с чем связан такой характер выборки, которая сохранилась и дошла до нас в виде трудов этнографов-фольклористов? Была ли это действительная иллюстрация отношения народа, которое «законсервировалось» в фольклоре или же фольклорный материал был сформирован в связи с личными общественно-политическими предпочтениями самих ученых?

Итак, конструируемый образ приходского духовенства на материалах паремий малороссийского/украинского фольклора имеет ярко выраженный негативный оттенок, это некий «антипортрет» приходского священника, «энциклопедия девиаций» в поведении священника и в чертах его характера. Однако, определить, кто конструировал этот образ, сам народ/прихожане или представители фольклорно-этнографического исследовательского цеха, на данном этапе невозможно. С другой стороны более важным является вопрос не о том, кто конструировал этот образ, а чем же, по сути, являлся данный конструкт. Конструируемый образ на основе паремий представляет собой отдельный уровень фиксации одного и того же дискурса, который прослеживается на протяжении всего XIX века. В центре этого дискурса стояла проблема обсуждения источников дохода семьи священнослужителя, его роли, места и функций в обществе Российской империи. Этот дискурс проявился на разных уровнях общественного мышления в светской и духовной периодике, а так же, как мы можем увидеть и в паремиях простых обывателей.

Список литературы: 1. Андрієвський О. Бібліографія літератури з українського фольклору. – Т. 1. – Київ, 1930. – 823 с.; 2. Беленькова Н. Пословица не мимо молвится – Нема приповідки без правди. Російські прислів'я та приказки з українськими відповідниками. – Київ: Дніпро, 1969. – 247 с.; 3. Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. – СПб., 2005. – 413 с.; 4. Ефименко П. Дополнение к украинским пословицами поговоркам. – Пермь: Б. ч., 1860. – 12 с.; 5. Казки прислів'я і т. п., записані в Катеринославській і Харківській губерніях І. І. Манжурою. – Дніпропетровськ, 2003. – 239 с.; 6. Макарова В. Ю. «...Он хотя и выпивает, но не упивается»: отношение крестьян к пьянству священников / Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии // Под ред. Ж. В. Корминой, А. А. Панченко, С. А. Штыркова (Серия *Studia Ethnologica*, вып. 3.) – СПб.: Изв-во Европ. Ун-та в С-Петербурге, 2006. – С. 72-85.; 7. Мельник В. М. Фольклор як історичне джерело. – Львів, 1967. – 183 с.; 8. Сулцов Н. Ф. Опыт исторического изучения малорусских пословиц. – Харьков: Типография Губернского Правления, 1896. – 12 с. 9. Труды статистическо-этнографической экспедиции в Западно-Русский край снаряженной Императорским русским географическим обществом. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования собранные П. Чубинским. – Т. 1. – СПб., 1872. – 468 с.; 10. Українські приказки, прислів'я і таке інше: Збірники О. В. Марковича та ін.. / Укл. М. Номис. – Київ: Либідь, 2003. – 351 с.

Надійшла до редколегії 17. 05. 2013 р.

Конструирование образа духовенства в украинских паремиях и проблема роли священника в позднеимперском обществе Российской империи / Е. Ю. Захарченко // Вісник НТУ «ХПІ». Серія: Актуальні проблеми історії України. – Харків: НТУ «ХПІ». – 2013. - № 25 (998). – С. 36-41. Бібліогр.: 10 назв.

У статті розглядається конструювання образу священнослужителя на матеріалах малоросійського фольклору XIX – початку XX ст. та його співставлення. Образ священника на матеріалах паремій представляє собою певний «антипортрет». У конструюванні даного образу можна виділити дві тенденції: наділення священника негативними рисами характеру та неприйняття елементів церковно-парафіяльних практик общини.

Ключові слова: український/малоросійський фольклор, паремії, духовенство, конструювання образу.

The article analyses the designing of the priest's image on the materials of Little Russian folklore in the XIX-early XX century. On the materials of proverbs the image of the priest represents peculiar "anti-portrait". While designing this image two trends can be traced: endowing the priest with negative personality traits and rejection of certain elements in parish community practice.

Key words: Ukrainian/Little Russian folklore, proverbs, clergy, designing the image of the priest.